

S. K. TREMAYNE

S. K. TREMAYNE

THE
ICE TWINS

С.К. ТРЕМЕЙН

ХОЛОДНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Т66

S. K. Tremayne
THE ICE TWINS

Copyright © S. K. Tremayne 2015

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*

Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Тремейн, С. К.

Т66 Холодные близнецы / С. К. Тремейн ; [пер. с англ. К. Гришина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-699-84420-3

Сара и Энгус Муркофт — образцовая английская семья. Энгус работает в престижной архитектурной компании, его жена Сара — журналист-фрилансер. У них есть дом в Кэмдэне, а еще дочери — Лидия и Кирсти, очаровательные светловолосые близняшки.

Однажды шестилетняя Лидия срывается с балкона и разбивается насмерть. С того страшного дня прошло уже 14 месяцев, но горе Муркофтов не утихает.

К своему ужасу, Сара обнаруживает странности в поведении своей единственной дочери: Кирсти ведет себя так, как будто она Лидия. Более того, девочка требует, чтобы ее называли Лидией, и утверждает, что умерла Кирсти.

И теперь Сара и Энгус должны ответить для себя на главный вопрос: КОГО они похоронили?

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-84420-3

© Гришин К., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

От автора

Я хочу поблагодарить Джоэла Франклина и Диди Макгилврэй, Гаса Маклина, Бена Тимберлейка и в особенности Энджел Седжвик — за помощь в работе над этой книгой.

Те, кто бывал на Внутренних Гебридах, сразу же отметят несомненное сходство между выдуманным Эйлен-Торраном и реальным Эйлен-Шона, расположенным возле острова Скай с его живописной деревушкой Ай-лорнсей. Совпадение отнюдь не случайно — книга была написана отчасти под впечатлением от жизни на этом очаровательном приливном островке в беленом известью домике под самым маяком.

Тем не менее все описанные здесь события и персонажи являются вымышленными.

Отдельное спасибо я хочу сказать Фрэнку Джонсону, Хелен Атсма, Кэйт Стивенсон и Юджину Фёрниссу: без их поддержки и мудрых советов «Холодные близнецы» едва бы появились на свет.

И наконец, я хочу поблагодарить Хивела Дэвиса и Элизабет Догерти, подсказавших мне идею с близнецами, из которой и вырос сюжет этой книги.

Моим дочерям

Между нашими креслами было ровно два ярда. Напротив кресел находился большой стол, а в креслах — как на сеансах семейной терапии — сидели мы. Всю обстановку комнаты я запомнила до мельчайших подробностей. Вдобавок мне на психику давили высоченные незашторенные окна восемнадцатого века с подъемным переплетом: своеобразный двойной портрет темного тусклого лондонского неба.

— Можно включить свет? — спросил мой муж.

Молодой солиситор Эндрю Уокер — адвокат, ведущий подготовку наших документов, — оторвался от бумаг с недовольным видом.

— Да, — ответил он. — Прошу прощения.

Он дотянулся до выключателя на стене, и два торшера залили кабинет желтым светом, а впечатляющие окна тотчас почернели.

Вместо неба я теперь видела свое отражение в стекле: неуверенная, вялая, с плотно сжатыми коленями.

Да кто она вообще такая?

Мое отражение не похоже на меня. Глаза у этой женщины голубые, как и всегда, но взгляд более грустный.

Лицо кругловатое, бледное и чересчур худое. Она натуральная блондинка и даже хорошенькая, но все равно какая-то выцветшая и потрепанная — тридцатитрех-летняя женщина, лучшие годы которой остались позади.

Во что она одета?

Потрепанные джинсы, ботинки по прошлогодней моде, лилейно-белый кашемировый джемпер, симпатичный, но поношенный, в катышках от частых стирок. Я внутренне содрогнулась. Надо бы выглядеть получше. Хотя, с другой стороны, для чего? Нам предстоит стандартная беседа с юристом. Которая в корне изменит нашу жизнь.

10

Приглушенный шум машин за окном напоминал глубокое дыхание беспокойно спящего партнера. Интересно, буду ли я скучать по лондонскому трафику? Нескончаемый белый шум умиротворял меня: прямо как приложения для телефона, которые помогают заснуть, имитируя постоянный звук биения крови в сосудах матки и отдаленную пульсацию материнского сердца.

Мои близняшки слышали точно такие же звуки, когда толкались внутри меня. Я помню, какими они были на второй эхограмме. Они походили на два геральдических символа на гербовом щите — абсолютно одинаковые, они смотрели друг на друга, как два единорога.

Наследодатель. Душеприказчик. Законная доля. Официальное утверждение...

Эндрю Уокер разглагольствовал лекторским тоном: просто заправский профессор, снизошедший до, мягко говоря, туповатых студентов.

Завещатель. Умершая. Наследник. Дети, находящиеся в живых.

Мой муж Энгус вздохнул с еле сдерживаемым нетерпением. Мне знакомы эти вздохи, означающие, что муж устал и вряд ли доволен. Я его вполне понимала, но сочувствовала и юристу. Нелегкая досталась Уокеру задача — сердитый муж, готовый броситься на него с кулаками, размазанная давним горем жена плюс запутанный случай с завещанием. Здесь нужно быть ловкачом. И его манера говорить медленно, тщательно взвешивая каждое слово, — это лишь способ дистанцироваться. А работает он аккуратно — настоящий сапер на минном поле. А может, у юристов своя терминология, как у врачей? Вроде таких, к примеру, заумных фраз: *«Дуоденальные гематомы и серозные отнятия, ведущие к фатальному младенческому перитониту»*.

11

Мои размышления прервал резкий возглас:

— Мы давно все обдумали!

Энгус успел выпить, что ли? Уж больно голос раздраженный, вот-вот сорвется. После того несчастного случая Энгус постоянно сердился. И разумеется, сильно пил. Но сегодня он более-менее уравновешенный, так что, пожалуй, трезвый.

— Мы бы хотели закончить возню с бумагами до холодов. Вы в курсе?

— Мистер Муркрофт, я вынужден повторить, что Питер Кенвуд в отпуске. Если хотите, мы можем позже договориться о встрече...

Энгус возразил:

— Нет. Мы хотим покончить с этим прямо сейчас.

— Тогда я должен снова просмотреть документы на предмет возможных проблем. Ведь вам не нужна волокита, верно?.. А Питер Кенвуд... он... чувствует...

Я видела, что солиситор колеблется и еще старательнее выбирает выражения, однако следующая фраза получилась натянутой:

— Итак, мистер Муркрофт, Питер считает себя не просто адвокатом, а добрым другом семьи. Ему известны обстоятельства данного дела, кроме того, он был знаком с покойной миссис Кэрнан — вашей бабушкой. Именно поэтому он просил меня удостовериться в том, что вы оба действительно хорошо информированы.

— Мы сами за себя отвечаем.

12

— Конечно. Но я бы упомянул, что на острове, в принципе, особо не разгуляешься. О комфорте вам придется забыть, — Уокер вздохнул и потупился, будто в этом была виновата его юридическая контора и он хотел избежать потенциальной тяжбы. — Боюсь, что домик смотрителя маяка сейчас не в лучшем состоянии — там много лет никто не жил, да и ремонта там не было. Но здесь написано, что вы вольны его снести и возвести новую постройку.

— Ага. В детстве я частенько бывал на острове. Игрался в приливных озерах.

— Но, мистер Муркрофт, имеете ли вы представление о реальных условиях выживания на Гебридах? Подобный переезд — весьма рискованный шаг. В связи с наличием приливных заиленных участков территория является труднодоступной, помимо прочего существуют

сложности с водоснабжением, отоплением, электричеством, и самое главное — в завещании не упомянуты деньги на...

— Представление полное, полнее некуда.

Возникла пауза. Уокер посмотрел на меня, потом опять на Энгуса:

— Вы продаете свой дом в Лондоне?

Энгус уставился на Уокера.

— Что, простите? А какое это имеет отношение к нашему делу?

Солиситор поджал губы.

— Питер беспокоился в связи... э... с постигшей вас тяжелой утратой... он очень тревожился и...

Энгус покосился на меня, я нерешительно пожала плечами. Энгус наклонился вперед.

— Ладно. Мы продаем дом в Кэмдене.

— Следовательно, в результате сделки у вас появится сумма, достаточная, чтобы восстановить хозяйство на Элле... — Эндрю Уокер нахмурился, пытаясь прочесть текст. — Не могу произнести правильно. Элье...?

— Эйлен-Торран. Это гэльский шотландский. В переводе — Громовой остров. Остров Торран.

— Совершенно верно. И вы надеетесь выручить от продажи вашей лондонской недвижимости сумму, которой хватит для ремонта домика смотрителя маяка на Торране?

Я чувствовала, что мне надо присоединиться к разговору. Должна же я хоть что-нибудь сказать, а то в бой рвался пока лишь Энгус. Но молчание окутывало меня, как теплый кокон. Зачем мне говорить? Вот моя фиш-

ка — я всегда была тихой и замкнутой, а Энгуса это раздражало уже несколько лет. *О чем ты думаешь? Расскажи мне. Почему только я говорю?* В ответ я обычно пожимала плечами и отворачивалась, потому что порой молчание бывает гораздо красноречивей, чем слова.

И теперь я опять взялась за свое. Сажу и слушаю своего мужа.

— У нас есть две закладные на дом в Кэмдене. Я потерял работу, и мы находимся в бедственном положении, но пару фунтов мы выучим.

— А покупатель?

— Тянет с подписыванием чека. — Энгус явно пытался сдерживать гнев. — Смотрите. Моя бабушка в завещании отписала остров на нас с братом. Да?

14

— Да, конечно.

— Мой брат сделал широкий жест и отказался от острова. Так? Моя мать в доме престарелых. В итоге получается, что остров принадлежит мне, моей жене и дочери. Я прав?

Дочери. Одной.

— Да.

— Ясно? Мы хотим переехать. Очень хотим. Да, есть затруднения, и домишко на острове разрушается. Но мы справимся. По крайней мере, мы попытаемся. У нас случались и более трудные времена, — заключил Энгус и опустил в кресло.

Я внимательно смотрела на мужа.

Даже если бы мы познакомились впервые только сейчас, его привлекательность сразила бы меня напо-

вал. Высокий, энергичный, с приятной трехдневной щетиной. Моложавый для четвертого десятка. Темноглазый, мужественный, талантливый.

Раньше Энгус тоже предпочитал небритость, и мне понравилось, как темная поросль подчеркивает его линию подбородка. Я почти не встречала людей, к которым так подходило бы слово «классный», а Энгус был одним из них. Столкнулись мы в Ковент-Гардене, в шумной забегаловке с испанской кухней — тапас и тому подобная экзотика.

Они с друзьями сидели неподалеку от барной стойки, всем лет по двадцать пять. Энгус смеялся. Наша компания расположилась за соседним столиком, и мы уже выпили достаточно «Риохи».

Один из парней отпустил в наш адрес остроумную шутку, кто-то из нас не остался в долгу и ответил. Вскоре наши компании смешались, мы постоянно пересекались, сдвигались, хохотали и знакомились: это Зоя, Саша, Алекс, Имоджин, Мередит...

А это Энгус Муркрофт. Привет тебе, Сара Милвертон! Он из Шотландии, ему двадцать шесть, а ей — двадцать три, она наполовину англичанка, наполовину американка. Теперь вы пойдете по жизни рука об руку, разделяя вместе и радости, и горести.

Шум транспорта за окном усилился — час пик. Я очнулась от грез. Эндрю Уокер давал Энгусу на подпись очередные документы. О да, мне хорошо знакома данная процедура — за последний год мы подписали бесконечное количество бумаг! И каждая из них была связана с нашим горем.